

Невольные размышления о Жизни, Счастье и Любви (попытка оправдания Истории)*Д.В. Ермолович,**кандидат философских наук, доцент БГУИР*

Смерть стоит того, чтобы жить,
А любовь стоит того, чтобы ждать.

Виктор Цой

Имеет ли будущее человек, живущий сегодняшним днем? Как найти себе место в быстроменяющемся мире? Кто в этом поможет?..

Вопросы питают размышления... Вольно или невольно, затем невольно... И потому необходимо понять, что кроме как «хорошо» и «плохо», есть еще и «иначе».

Открыть, осознать себя в настоящем, понять себя и окружающую меня жизнь возможно благодаря единству моих переживаний, моего знания и моих реальных взаимоотношений со всем тем, с чем я сталкиваюсь в этой своей жизни. Однако здесь не следует искать противопоставления себя и реальной действительности, как может показаться (...меня, ...моего, ...моих), это лишь повод найти достойное меня и достойное мне место в Жизни и Настоящем.

Не безрезультатный поиск такой своеобразной ноосферной ниши обеспечит меня средствами к жизни, даст необходимые мне свободы и силы. Целостность моя теперь будет определяться целостностью моего внутреннего мира, интимной средой обитания моего «Я». «Я» защищено.

Животное не живет, а существует, так как или защищается от сильного, или нападает на слабого. Но жизнь — не круговая оборона, и не надо быть «суперменом», чтобы выжить. Сильный не тот, кто может защитить себя, а тот, кто может защитить другого.

Сильные чувства, сопутствующие поступку; реальное знание, дающее реальную силу (знание — сила, но абстрактное знание — абстрактная сила); уверенность в себе — все это и есть мой интимный мир, мой Мир, где Я сам себе Хозяин. И только теперь Я готов любить... Слабый любить не может! Эта слабость в несвободе, незрелости, неуверенности, а потому и зависимости от не-себя.

Любовь — тот единственный феномен, когда Она (Любовь), становясь целью, оправдывается любыми средствами Ее достижения, ибо только в Ней и цель, и средства составляют единое целое. Любовь вообще вне критики, анализа и пересудов — это сугубо интимное чувство; а потому любви и научиться нельзя — интимный опыт не передается.

Всякое тиражирование интимности есть ее уничтожение. Хотя, как одно, так и другое только видимость: тиражируется не интимность, как таковая, а ее суррогат; в лучах гласности уничтожается не сама интимность, а ее возможность, что не менее страшно. Вступающим в жизнь предлагается некая программа «интимных» действий, алгоритм, формула любви — человек делается, а не становится. Производству (и «производству» человека) не избежать потерь, но утрата интимности сотворения человека — это потеря его индивидуальности, потеря его и нашего смысла жизни; а тогда рождающемуся человеку не испытать радости обретения самого себя, и он останется чужим себе и Миру.

Сказать же, «что человек состоит из силы и слабости, из понимания и ослепления, из ничтожества и величия, это значит не осудить его, а определить его сущность» (Д. Дидро, XVIII в.). Не бойся в себе плохого, бойся не стать лучше. Право на свободу получить нельзя, ее необходимо завоевать, борясь за себя и с самим собой, а значит, борясь постоянно. Смотреть при этом на свободу должно как на свое освобождение, как на возможность делать сознательный выбор. Свобода, в конце концов, и определяется свободой выбора. Однако, выбор — это всегда жертва; это отказ от всего того, что могло бы быть, если бы было по-другому. Так что суть персональной свободы определяется свободой и правом подобного отказа.

И чем больше сознательно делаемая жертва, тем значимей выбор (на чаше весов стоишь ты и весь Мир). Индивидуальная свобода здесь лишь необходимость, всего лишь средство жизни, но еще не сама жизнь, не ее смысл. Смыслом жизни, ее целью может стать многое, все то, что требует высшей жертвы — жизни человека. Бессмысленное существование жертвы не требует — Человек от рождения получает только право на смерть, право принести жертву. Свое же право на жизнь он должен и может доказать самой жизнью.

Однако хочется верить, что на смену героическим временам, временам героев, когда жертвуя своей жизнью, последний получал право на жизнь в памяти своих потомков, когда слава целилась выше жизни, все же придет время любви.

Любовь — интимное чувство, цель и средство жизни одновременно. То единственное, что требует сначала жертвы, высшей жертвы — самопожертвования, а уже потом только, эта жертва будет вознаграждена самой жизнью: «Истинная сущность любви состоит в том, чтобы отказаться от сознания самого себя, забыть себя в другом «я» и, однако, в этом исчезновении и забвении обрести самого себя и обладать самим собой» (Г.Гегель, XIX в.).

Любой героизм, по сути, требует жертвы разовой, любовь же требует жертвы постоянной. Именно поэтому любовь и придает человеческой жизни осмысленный характер.

«1. Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий.

2. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто.

3. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, — нет мне в том никакой пользы...» (Языческий апостол Павел).

Призыв к пониманию любви как процесса, как постоянного воспроизводства самой себя, а не как достигнутого желаемого состояния, осложняется таким, казалось бы, безобидным фактом, как ограниченность языковых средств. Так, «великий

и могучий» русский язык, по крайней мере в своем бытовом использовании, весьма не приспособлен для выражения высоких чувств. В словесном выражении «величие» любви, например, к Женщине, Человеку, Родине, так же как и к кино, футболу, яичнице выглядит совершенно одинаково. Возможно именно это подвигнуло в свое время русскую поэзию к вершинам мировой культуры, но и заставляет современных влюбленных выражать свои истинные (и не очень) чувства, разве что, стихами. Но нельзя же выразить *свою любовь* стихами Александра Сергеевича Пушкина.

Кстати, испаноговорящим влюбленным все-таки проще быть понятыми: *querer* — любовь-надежда, *afecto* — любовь-нежность, *pasion* — любовь-страсть, *amor* — любовь, как нравственное чувство (с приблизительным эквивалентным переводом). В их случае предмет любви хотя бы всегда одушевлен и отношение к нему нельзя спутать с «любовью» к предметам неодушевленным. Однако, видно и другое, что любовь несоизмеримо чаще воспринимается как состояние (в русском языке — «влюбленность»). Жаль, но всякое состояние преходяще, видимо поэтому, «медовым» оказывается только месяц...

О любви нужно говорить как о своего рода условии, законе цивилизованной жизни, законе нравственном, чисто человеческом. Любовь — это постоянное зарождение, воспроизводство самой себя, существующее благодаря воспроизводству в человеке человеческого: «...влечение души порождает дружбу, влечение ума порождает уважение, влечение тела порождает желание. Соединение трех влечений порождает любовь» (Древнеиндийский трактат о любви). Реальность же этого закона жизни такова, что для любви конкретной рождены только два человека; влюбиться можно тысячу раз, а любить — единожды. Или никогда...

Нравственным законам — законам любви, можно следовать, можно не следовать, но незаконные узы преступны, ибо лишают двух людей возможности быть счастливыми.

Ну, а «если хочешь быть счастливым, — будь им» (Козьма Прутков, XIX в.).

Отсутствие цели — причина беспорядка

Эпоха бурь и революций продолжается. И в эти героические времена любви предназначена все та же миротворческая роль и не более. Хотя и самой любви всегда требовалась и требуется защита. В ранние и средние века существования человеческой цивилизации такой защитой для любви была смерть самих любящих:

«Трудна, длинна дорога в дом, в котором мы Любовь найдем. Пожертвуй жизнью, — в этот дом нельзя прийти иным путем» (*Кабир, Индия, XV в.*).

Только таким средством нравственность, интимная сторона любви могла быть сохранена.

Любовь не была естественной и потому не могла стать нормой. Любовь не была целью и потому не могла стать смыслом жизни. Человек, дважды несвободный как «общественное животное» (*К.Маркс, XIX в.*), был отчужден от самого себя. Малую историю, историю для себя, делали «герои» (перевороты, заговоры, интриги и т.д.), а потому большой истории, истории для всех, приходилось делать шаг вперед и два шага назад — с древнейших времен ученые мужи только и говорят, что о падении нравов. И тогда История потребовала серьезных социальных преобразований — Великая Французская революция декларировала право на свободу.

Но ни декларация права на свободу, ни продолжавшиеся христианские призывы к любви не дали, да и не могут дать ни реальной свободы, ни реальной любви. Одно превращается в произвол, другое — в ханжество и цинизм:

«Не знаю, что за люди здесь,
Но птички пугала в полях —
Кривые, все до одного!»

(*Кобаяси Исса, Япония, XIX в.*)

Оказалось, что нужны не новые законы и правила жизни, ибо закон — фактор нечеловеческий», когда он (закон) превыше всего. Нужны новые люди и новая жизнь.

Нужны новые люди... Правда выше своей головы не прыгнешь, а быть впереди и повести за

собой можно только по двум причинам: или по необходимости и смелости, или по дурости. Во втором случае, расшибется голова уже о первое препятствие, ну, а обманутые толпы последовавших, сразу рассеиваются, как ни в чем не бывало. В первом случае, смелость лидера не в том, чтобы стать во главе — это необходимость, а в том, чтобы вовремя уйти и дать дорогу другому, — новую жизнь строят новые люди.

Нужна новая жизнь... «Раньше главным было дать человеку свободу стать тем, чем ему хочется быть. А теперь главное — показать человеку, каким надо стать для того, чтобы быть по-человечески счастливым» (*Братья Стругацкие, XX в.*).

Благоприятие жизни, воспринимаемое только как комфорт, когда завтра должно быть не хуже, чем сегодня, вполне обеспечивается жизнью по распорядку и функционированием, как хорошо отлаженный механизм. Такая жизнь «производит индустриализм, ...индустриализм же создает для своей защиты милитаризм, производит богатство и бедность, а сии последние (богатство и бедность) вызывают социализм, или вопрос о всеобщем обогащении» (*Н.Ф.Федоров, XIX в.*).

Социализация жизни по принципу «всеобщего обогащения», конечно, одаривает комфортабельными условиями существования, но все-таки не дает истинных свободы и радости, — рыба, как и все живое, гниет не с головы, а с желудка. Механизация жизни — это живи как все, если можешь; радуйся как все, если можешь; не высовывайся, если можешь; не «мешай» другим, если можешь; не буди совесть, если можешь; не заставляй других себя ненавидеть, если можешь... И если ты все это можешь, но тебе все равно плохо, то люби себя, радуйся малому, лови момент, вспоминай лучшее, представляй себя героем... жди конца твоему «счастью».

Зачем счастье?.. Счастье — это знание того, что завтра будет лучше, чем сегодня, и жить хочется именно поэтому. А потому, счастливому человеку не спится, он хочет встретить завтрашний день. Жизнь — не отдых.

Пришедшая другая Великая революция — Октябрьская, декларировала права на жизнь и справедливость. Этой революции удалось остановить Мировую войну, привести к отказу от коло-

ниальной политики и повернуть государственную политику внутрь своих стран, создать новые государственные институты и формы государственной власти, — началась всеобщая социализация жизни. Не берись при этом рассуждать о необходимости Третьей Великой революции и ее формах, которая должна была бы декларировать право на счастье, а также о необходимости Второй, если все-таки никак нельзя без Третьей, чтобы всем сделаться счастливыми.

Одним из условий социализации жизни обязательно становится разворачивание процессов по реальному освобождению человеческой личности, как реализации идей прошлой — Французской революции. Так, сексуальная революция — одна из максимально приближенных к конкретному человеку сторон социальных революционных преобразований — есть революция по освобождению человеческого (как женского, в первую очередь, так и мужского) пола («sex» и есть пол).

Ясно, что в тех исторических условиях, официальной родиной сексуальной революции могла стать только Россия (при всей ее недостаточности европеизации): именно здесь проводились первые «освободительные» мероприятия. Кто мог себе позволить в первой четверти XX века организованно маршировать в трусах по главной площади страны; где еще, фактический брак, приравненный к гражданскому (по свободному выбору и нерегистрируемый — обязательная регистрация брака была введена только в 1944 году), становится настолько распространенным явлением, что считается нормой; где определилось равноправие мужчины и женщины в браке, брачных и внебрачных детей; где было введено совместное воспитание и обучение мальчиков и девочек в государственных учреждениях Народного образования и т.д. и т.п.

Массовая сексуализация — движение по освобождению пола — в процессе всеобщего освобождения не может стать безнравственной, в противовес идее «свободной любви» в несвободном обществе (см. полемику В.И.Ленина и И.Ф.Арманд). Период естественного (как и неестественного) поиска форм социализации жизни, в том числе и ее сексуализации, был окончательно приостановлен к концу 30-х годов, что не дало осуществиться появлению, а значит и действию, семейного права, наряду с гражданским, в СССР.

Вторая волна «сексуального» освобождения пришла на свою родину в явно искаженном («онаученном» — вспомним А.С.Пушкина: «Разврат, бывало, хладнокровный наукой славился любовной») виде, через 25 лет — возраст одного поколения, чего оказалось достаточно, чтобы быть к этому неготовым.

Технологический («сексуальный») опыт предшествующих нам поколений и современников «наконец-то» хлынул, на наших глазах, в распахнутые гласностью умы, плоды чего съест придется позже и уже не нам.

Технологическое освобождение любви, конечно, повышает, так называемую, «сексуальную культуру», но, вне общей культуры человека, сексуальная культура становится не средством освобождения его, а средством самоотчуждения человеческого в человеке: «из любящего человека, из любви человека (она) делает человека любви, — тем, что (она) отделяет от человека «любовь» как особую сущность и, как таковую, наделяет ее («любовь») самостоятельным бытием» (К.Маркс).

Революций специально культурных не бывает, всякая революция должна быть «культурной». Ибо революции, декларируя те или иные права, показывают ступени развития человеческого общества. Стремление же человеческого общества к естественному праву — праву на счастье для каждого — будет только тогда естественным, когда человек «освободит» себя от эгоистической своей оболочки и станет представителем рода человеческого, носителем человеческой культуры. Именно тогда культура выступит гарантией интимной природы человека и необходимо уже будет говорить о переориентации идеалов общественного развития от «общества с человеческим лицом» к «человеку с общественным лицом». Только в этом случае общество для человека становится потенциально открытым, а человек для общества осознается потенциально закрытым явлением и воспринимается обществом как цель, а не как средство своего развития.

Эволюция человеческого общества призвала, в том числе и посредством сексуальной революции, не только освободить мужчину и женщину от несвойственных им социальных функций: женщина — рабыня, мужчина — господин; но и защитить более цивилизованными средствами

любящих и любовь, в связи с появлением у последней новых ролей, т.е. не только миротворческой, а, главным образом, созидающей роли — созидающей новую жизнь и нового человека.

Третья Великая революция — это революция в нас самих, это декларация самости. И такая революция станет последней.

Специальной «науки любви» нет — есть наука человечности.

(В.А.Сухомлинский)

«Я» рождается неожиданно и сразу же становится одиноким. Одиночество невыносимо — ведь только я знаю, какая я сволочь. Такое соседство с самим собой толкает меня к другим людям. Я не сопротивляюсь, но кому я нужен,.. что я есть, что я умею, что я делаю... Каждый может обмануть другого, но обмануть себя самого человек может только сам. Не обманывайся, — к людям приходят через одиночество.

Освободить себя от одиночества и остаться свободным, при этом не совершив насилия над другим человеком, возможно только после пересмотра действительного соотношения произвола и свободы: произвол всегда неистово требует увеличения прав; свобода, молча, — увеличения обязанностей.

Великое движение от человека к человеку, находящееся сейчас в стадии осмысления и просвещения, требует от каждого особого отношения к самому себе. Человек, нужный людям, личной выгоды в осязаемом настоящем иметь не может. Отдавая себя, настоящего, окружающим; превращая, этим самым «отдаванием», свое настоящее в прошлое для себя, — человек вынужден находить в себе резерв для завтрашнего своего, вынужден совершенствоваться.

Максима совершенствования известна — познай самого себя. Ибо для другого человека я есть то, что я делаю; делать я могу то, что умею; а умею я то, о чем знаю: «Никакое счастье в невежестве невозможно» (Э.Золя, XX в.).

Это, слишком оптимистическое, всегда в настоящем времени, предложение человеку — познай самого себя — основано на том, что со-

знательная самоорганизация своей жизни позволит осуществить ему исполнение своего предназначения — быть человеком.

Самоорганизация природы базируется на ее активности, самоорганизация человека — на его воле, самоорганизация общества — на нравственности. Естественность, освобожденность, созидательность — непосредственные проекции активности, воли и нравственности. И именно они должны быть приняты за основания к ступеням человекооткровения и оптимальному развитию индивидуальности. «Дайте мне безмятежность, чтобы принять неизбежное; смелость, чтобы изменить то, что может быть изменено; и мудрость, чтобы знать эту разницу» (Санскритская молитва).

Познание и понимание жизни не может не быть связано с оптимизмом, с таким опережающим отражением жизни. Жизнь коротка. Мир развивается, а Познание бесконечно. Процесс познания и определяет собой прогресс человечества, а потому реальное настоящее есть проекция представляемого дня завтрашнего, а не наоборот. Представляемое же прошлое есть лишь проекция реального настоящего и потому подлинная история начинается с подлинного человека, с подлинного счастья, с подлинного наслаждения жизнью (Ф.Энгельс). В будущее надо смотреть широко открытыми глазами: счастье бывает только большим и его нельзя не увидеть, если не закрывать глаза.

Надо открыть глаза, открыть человека, открыть себя.

...И буквами души
 пусть станут чувства,
 слогами — мысли,
 а слово лишь одно —
 ЛЮБОВЬ.

Чалавек, грамадства, свет. – 2003. – № 1. – С. 113-123.